

Василий Жуковский

Агасфер

, 0101

FB2: Василий Жуковский, 29.4.2016, version 1.0

UUID: f99f0811-6934-11e6-9614-0cc47a545a1e

PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Василий Андреевич Жуковский

Агасфер

**Василий Андреевич
Жуковский
Агасфер**

Он нес свой крест тяжелый на
Голгофу;

Он, всемогущий, вседержитель,
был

Как человек измучен; пот и
кровь

По бледному его лицу бежали;
Под бременем своим он часто
падал,

Вставал с усилием, переводил
Дыхание, потом, шагов немного
Переступив, под ношей снова па-
дал,

И наконец, с померкшими от
мук

Очами, он хотел остановиться
У Агасферовых дверей, дабы,
К ним прислонившись, перевести
на миг

Дыханье. Агасфер стоял тогда
В дверях. Его он оттолкнул от
них

Безжалостно. С глубоким со-
страданьем

К несчастному, столь чуждому
любви,

И сетуя о том, что должен был
Над ним изречь как бог свой при-

говор,

Он поднял скорбный взгляд на
Агасфера

И тихо произнес: "Ты будешь
жить,

Пока я не приду", – и удалился.

И наконец он пал под ношею со-
всем

Без силы. Крест тогда был воз-
ложен

На плечи Симона из Киринеи.

И скоро он исчез вдали, и вся
толпа

Исчезла вслед за ним; все замол-
чало

На улице ужасно опустелой.

Народ вокруг Голгофы за стена-
ми

Ерусалимскими столпился. Го-
род

Стал тих, как гроб. Один, оцепе-
нельный,

В дверях своих недвижим Ага-
сфер

Стоял. И долго он стоял, не
зная,

Что с ним случилось, чьи были
те

Слова, которых каждый звук
свинцовой

Буквой в мозг его был вдавлен, и
там

Сидел неисторжим, не слышен
уху,

Но страшно слышен в глубине
души.

Вот наконец, вокруг себя обвед-
ши,

Как полусонный, очи, он со стра-
хом

Заметил, что на Морию над хра-
мом

Чернели тучи с запада, с восто-
ка,

И с севера, и с юга, в одну густую
Слиявшиеся тьму. Туда упер он
Испуганное око; вдруг крест-на-
крест

Там молнией разрезалась тьма,
Гром грянул, чудный отзыв в
глубине

Святилища ответствовал ему,
Как будто там разорвалась за-
веса.

Ерусалим затрепетал, и весь

Незапно потемнел, лишенный
солнца;

И в этой тьме земля дрожала
под ногами;

Из глубины ее был голос, было
Течение в воздухе бесплотных
слышно;

Во мраке образы восставших
Из гроба, вдруг ясясь, смотрели
Живым в глаза. Толпами от Гол-
гофы

Бежал народ, был слышен шум
Бегущих; но ужасно каждый про
себя

Молчал. Тут Агасфер, в смер-
тельном
страхе,

Очнувшись, неоглядкой побежал
Вслед за толпою от своих две-
рей,

Не зная сам куда, и в ней исчез.
Тем временем утих Ерусалим.
Во мгле громадой безобразной
зданья

Чернели. Жители все затвори-
лись

В своих домах, и все тяжелым
сном

Заснуло. И вот над этой темной бездной

От туч, их затмевавших, небеса,

Уж полные звездами ночи, стали чисты:

В их глубине была невыразима

Неизглаголанная тишина,

И слуху сердца слышалось там,

Как от звезды к звезде перелетали

Их стражи – ангелы, с невыразимой

Гармонией блаженной, чудной вести. Прямо

Над Элеонскою горой звезда

Денницы подымалась.

Агасфер,

Всю ночь по улицам Ерусалима

Бродив, терзаемый тоской и

страхом,

Вдруг очутился за стенами града

Перед Голгофой. На горе пустой,

На чистом небе, ярко три креста

ста

Чернели. У подошвы темной

Горы был вход в пещеру, и вели-

ким камнем

Он был задвинут; невдали, как
две

Недвижимые тени, в сокрушенье
Две женщины сидели, устремив
Глаза – одна на камень гроба, а
другая

На небеса. Увидя их, и камень,
И на горе кресты, затрепетал
Всем телом Агасфер; почуди-
лось ему,

Что грозный камень на него
идет,

Чтоб задавить, и, как безумный,
Он побежал ко граду от Голго-
фы.

Есть остров; он скалою одино-
кой

Подъемлетя из бездны океана;
Вокруг него все пусто: беспре-
дельность

Вод и беспредельность неба.

Когда вода тиха, а небеса
Безоблачны, он кажется тогда
В сиянье дня уединенно-мрач-
ным

Пустынником в лазури беспредельной;
В ночи ж, спокойным морем отраженный
Между звездами, в двух кругом него
Пучинах блещущими, он чернеет,
Как сумрачный отверженец созданья.
Когда ж на небе тучи, в море бури
И на него со всех сторон из бездны
Бросаются, как змеи, вихри волн,
А с неба молнии в его бока
Вонзаются, их ребр не сокрушая,
Он кажется, в сем бое недвижимый,
Всемирного хаоса господином.

На западном полнебе знойно солнце
Горело; воздух густо был наполнен
Парами; в них как бы растаяв, солнце

Сливалось с ними, и весь запад
неба

И все под ним недвижимое море
Пурпурным янтарем сияли; было

Великое спокойствие в про-
странстве.

В глубокой думе, руки на груди
Крест-накрест сжав, он, вождь
побед

недавно

И страх царей, теперь царей ко-
лодник,

Сидел один над бездной на скале,
И на море – которое пред ним
Так было тихо и, весь пламень
неба

В себя впивая всей широкой гру-
дью,

Им полное, дыханьем несказан-
ным

Вздымалося – смотрел. Пред
ним широко

Пустыня пламенная расстила-
лась.

С ожесточеньем безнадежной
скорби,

Глубоко врезавшейся в сердце,

С негодованьем силы, вдруг ли-
шенной

Свободы, он смотрел на этот
хаос

Сияния, на это с небесами
Слиявшееся море. Там лежал
И самому ему уже незримый
мир,

Им быстро созданный и столь
же быстро

Погибший; а широкий океан,
Пред ним сиявший, где ничто
следов

Величия его не сохранило,
Терзал его обиженную душу
Бесчувственным величием сво-
им,

С каким его в своей темнице
влажной

Он запирал. И он с презреньем
взоры

От бездны отвратил, и оком
мысли

Перелетел в страну минувшей
славы.

Там образы великие пред ним,
Сражений тени, призраки три-
умфов,

Как из-за облак огненные Альпов
Вершины, подымались, а в дали
далекой

Звучал потомства неумолчный
голос;

И мнилось ему, что на пороге
Иного мира встретить ждут
его

Величества всех стран и всех
времен.

Но в этот миг, когда воспомина-
нанием

В минувшем гордой мыслью он
летал, орел

Ширококрылый, от бездны моря
быстро

Взлетев на высоту, промчался
мимо

Его скалы и в высоте пропал.

Его полетом увлеченный, он
Вскочил, как будто броситься
за ним

Желая в беспредельность; воли,
воли

Его душа мучительную пре-
лесть

Отчаянно почувствовала всю.
Орел исчез в глубоком небе.

Тяжким

Свинцом его полет непритесни-
мый

На сердце пал ему; весь ужас
Его судьбы, как голова смер-
тельная

Горгоны,
Ему предстал; все привиденья
славы

Минувшей вдруг исчезли; и один
Постыдный, может быть и дол-
гий, путь

От тьмы тюремной до могиль-
ной, где

Ничтожество; и он затрепе-
тал;

И всю ему проникло душу отвра-
щенье

К себе и к жизни; быстрым ша-
гом к краю

Скалы он подошел и жадном
оком

Смотрел на море, и оно его
К себе как будто звало, и к нему
В своих ползущих на скалу вол-
нах

Бесчисленные руки простирало.
И уж его нога почти черту

Между скалой и пустотой воз-
душной

Переступила...

В этот миг его

Глазам, как будто из земли
рожденный,

На западе скалы, огромной те-
нью

Отрезавшись от пламенного
неба,

Явился некто, и необычайный.

Глубоко движущий всю душу го-
лос

Сказал: «Куда, Наполеон!» При
этом зове,

Как околдованный, он на краю
скалы

Оцепенел: поднятая нога

Сама собой на землю опусти-
лась.

И с робостью, неведомой дото-
ле,

На подходящего он устремил

Глаза и чувствовал с каким-то
странным

Оттолкновеньем всей души,
что этот

Пришелец для него и для всего

Создания чужой; но он невольно
Пред ним благоговел, его черты
С непостижимым сердца изум-
леньем

Рассматривал... К нему шел че-
ловек,

В котором все нечеловечье бы-
ло:

Он был живой, но жизни чужд
казался;

Ни старости, ни молодости в
чудных

Его чертах не выражалось; все в
них было

Давнишнее, когда-то вдруг – по-
добно

Созданьям допотопным – в ка-
мень

Неумирающий и неживущий
Преобращенное; в его глазах
День внешний не сиял, но в них
глубоко

Горел какой-то темный свет,
Как зарево далекого сиянья;
Вкруг головы седые волоса
И борода, широкими струями
Грудь покрывавшая, из серебра
Казались вылитыми; лоб

И щеки бледные, как белый мрамор,

Морщинами крест-накрест были

Изрезаны; одежда в складках тяжких,

Как будто выбитых из меди, с плеч

До пят недвижно падала; и ноги
Его шли по земле, как бы в нее
Не упираясь. – Пришелец, приближась,

На узника скалы вперил свои
Пронзительные очи я сказал:
"Куда ты шел и где б ты был, когда б

Мой голос вовремя тебя не назвал?

Не говорить с тобой сюда пришел я:

Не может быть беседы между нами,

И мыслями меняться нам нельзя;

Я здесь не гость, не друг, не собеседник;

Я здесь один минутный призрак,
голос

Без отзыва... Врачом твоей души
Хочу я быть, и перед нею всю
Мою судьбу явлю без покрывала.
В молчанье слушай. Участи мо-
ей

Страшнее не было, и нет, и
быть

Не может на земле. Богообид-
чик,

Проклятью преданный, лишен-
ный смерти

И в смерти жизни, вечно по зем-
ле

Бродить приговоренный, и всему
Земному чуждый, памятью о
прошлом

Терзаемый, и в области живых
живой

Мертвец, им страшный и про-
тивный,

Не именующий здесь никого
Своим, и что когда любил на
свете —

Все переживший, все похоронив-
ший,

Все пережить и все похоронить
Определенный; нет мне на зем-
ле

Ни радости, ни траты, ни надежды;

День настает, ночь настает – они

Без смены для меня; жизнь не проходит,

Смерть не проходит; измененья нет

Ни в чем; передо мной немая вечность,

Окаменившая живая время;
И посреди собратий бытия,
Живущих радостно иль скорбно,
жизнь

Любящих иль из жизни уводимых

Упокоительной рукою смерти,
На этой братской трапезе созданий

Мне места нет; хожу кругом трапезы

Голодный, жаждущий – меня они

Не замечают; стражду, как никто

И сонный не страдал – мое ж страданье

Для них не была, а вымысел дав-

нишний,

Давно рассказанная детям сказка.

Таков мой жребий. Ты, быть может,

С презреньем спросишь у меня:
зачем же

Сюда пришел я, чтоб такой
Безумной басней над тобой ругаться?

Таков мой жребий, говорю, для
всех

Вас, близоруких жителей земли;
Но для тебя моей судьбины тайну

Я всю вполне открою... Слушай.

Я – Агасфер; не сказка Агасфер,
Которою кормилица твоя
Тебя в ребячестве пугала; нет!
Я Агасфер живой, с костями, с
кровью,

Текущей в жилах, с чувствующим
сердцем

И с помнящей минувшее душою.
Я Агасфер – вот исповедь моя.
О нет! язык мой повторить не
может

Живым, для слуха внятным словом

Того, что некогда свершилось,
что

В проклятие жизнь бедную мою
Преобразило. Имя Агасфер
Тебе сказало все... Нет! в языке
Моем такого слова не найду я,
Чтоб то изобразить, что был я
сам,

Что мыслилось, что виделось,
что ныло

В моей душе и что в ночах бес-
сонных,

Что в тяжком сне, что в приви-
деньях,

Пугавших въявь, мне чудилось в
те дни,

Которые прошли подобно душ-
ным,

Грозою полным дням, когда ды-
ханье

В груди спирается и в страхе
ждешь

Удара громового; в дни несказан-
ной

Тоски и трепета, со дня Голго-
фы

*Прошедшие!.. Ерусалим был тих,
Но было то предтишье подходя-
щей*

*Беды; народ скорбел, и блед-
ность лиц,*

*Потупленность голов; походки
шаткость*

*И подозрительность суровых
взглядов —*

*Все было знаменьем чего-то,
страшно*

*Постигнувшего всех, чего-то,
страшно*

*Постигнуть всех грозящего; кру-
гом*

*Ерусалимских стен какой-то
мрачный,*

*Неведомый во граде никому,
Бродил и криком жалобным, на
всех*

*Концах всечасно в граде слыш-
ным: "Горе!*

От запада и от востока горе!

От севера и от полудня горе!

Ерусалиму горе!" – повторял.

А я из всех людей Ерусалима

*Был самый трепетный. В беде
всеобщей*

Мечталась мне страшнейшая
моя:

Чудовище с лицом закрытым,
мне

Еще неведомым, но оттого
Стократ ужаснейшим. Что он
сказал мне —

Я слов его не постигал значенья:
Но звуки их ни день, ни ночь ме-
ня

Не покидали; яростью кипела
Вся внутренность моя против
него,

Который ядом слова одного
Так жизнь мою убил; я пригово-
ра

Его могуществу не верил; я
Упорствовал обманщика в нем
видеть;

Но чувствовал, что я пригово-
рен...

К чему?.. Неведенья ужасный
призрак,

Страшилище без образа, везде,
Куда мои глаза ни обращал я,
Стоял передо мной и мучил
страхом

Неизглаголанным меня. Против

Обиженного мной и приговор
мне

Одним, еще непонятым мной,
словом

Изрекшего, и против всех его
Избранников я был неукроти-
мой

Исполнен злобой. А они одни
Между людьми Ерусалима были
Спокойны, светлы, никакой тре-
вогой

Не одержимы: кто встречался в
граде

Смиранный видом, светлым взо-
ром

Благословляющий, благопри-
стойный

В движениях, в опрятном одея-
нье.

Без роскоши, уж тот, конечно,
был

Служгой Иисуса Назорея; в их
Собраниях вседневно соверша-
лось

О нем воспоминанье; часто, по-
среди

Ерусалимской смутной жизни,
было

Их пенье слышимо; они без стра-
ха

В домах, на улицах, на площадях
Благию весть о нем провозгла-
шали.

Весь город злобствовал на них,
незлобных;

И эта злоба скоро разразилась
Гонением, тюремным заточе-
нием

И наконец убийством. Я, как ди-
кий

Зверь, ликовал, когда был перед
храмом

Стефан, побитый камнем, за-
мучен;

Когда потом прияли муку два
Иакова – один мечом, другой
С вершины храма сброшенный;
когда

Пронесся слух, что Петр был
распят в Риме,

А Павел обезглавлен: мнилось
мне,

Что в них, свидетелях его, и па-
мять

О нем погибнет. Тщетная на-
дежда!

Во мне тоска от страха неиз-
вестной

При Ироде-царе рожденный, ви-
дел

Все время Августа; потом три
зверя,

Кровавой властью обесславив
Рим,

Погибли; властвовал четвер-
тый, Нерон;

Столетие уж на плечах моих
лежало;

Вокруг меня четыре поколенья
Цвели в одном семействе: сыно-
вья.

И внучата, и внуков внуки в до-
ме

Моем садились за мою трапезу...
Но я со дня того в живом их кру-
ге

Все более и боле чужд, и сир,
И нелюдим, и грустен становил-
ся;

Я чувствовал, что я ни хил, ни
бодр,

Ни стар, ни молод, но что
жизнь моя

Железно-мертвую приобрела

Несокрушимость; самому себе.
Среди моих живых детей, и вну-
ков,

И правнуков, казался я надгроб-
ным

Камнем, меж их могил стоя-
щим камнем:

И лица их имели страшный
цвет

Объятых тленьем трупов. Все
уж дети

И все уж внуки были взяты
смертью;

И правнуков с невыразимым го-
рем

И бешенством я начал хоро-
нить...

Тем временем час от часу душ-
нее

В Ерусалиме становилось. Зная,
Что будет, все Иисуса Назорея
Избранники покинули убивший
Учителя их город и ушли
За Иордан. Я все, и все сбывалось,
Что предсказал он: Палестина

вся

Горела бунтом; легионы Рима

Терзали области ее; и скоро
Приблизился к Ерусалиму час
Его судьбы; то время наступило,

Когда, как он пророчил, "благо
будет

Сошедшим в гроб, и горе матерям

С младенцами грудными, горе
старцам

И юношам, живущим в граде, горе

Из града не ушедшим в горы девам".

Веспасианов сын извне пути
Из града все загородил, вогнав
Туда насильно мор и голод;
Внутри господствовали буйство, бунт.

Усобища, безвластье, безначалье.
Владычество разбойников, извне
Прикликанных своими на своих.
Вдруг три осады: храма от пришельных

Грабителей, грабителей от града, града

От легионов Тита... Всюду бой;
Первосвященников убийство в

храме:

На улицах нестройный крик от
страха,

От голода, от муки перед-
смертной,

От яростной борьбы за кус со-
гнившей

Еды, рев мятежа, разврата пес-
ни,

Бесстыдных оргий хохот, стоп
голодных

Младенцев, матерей тяжелый
вой...

И в высоте над этой бездной ди-
нем

Безоблачно пылающее небо,
Зловонную заразу вызывая
Из трупов, в граде и вне града
Разбросанных; в ночи ж, как бо-
жий меч,

Звезда беды, своим хвостом всю
твердь

Разрезавшая пополам. Ерусали-
му

Пророка гибель... И погибнуть
весь

Израиль обречен был; отовсюду
Сведенный светлым праздником

пасхальным

В Ерусалим, народ был разом
предан

На истребленье мстительному
Риму.

И все истреблены: убийством,
гладом,

В когтях зверей, прибитые к кре-
стам,

В цепях, в изгнанье, в рабстве на
чужбине.

Погиб господний град – и от со-
зданья

Мир не видал гибели подобной.

О, страшно он боролся с смерт-
ным часом!

Когда в него, все стены проло-
мив,

Ворвался враг и бросился на
храм, —

Народ, в его толпу, из-за ограды
Исторгшись, врезался и, с ней
сцепившись.

Вслед за собой ее вовлек в сред-
ну

Ограды. Бой ужасный, грудь на
грудь,

Тут качался; и, наконец, спаса-

ясь,

Вкруг скинии, во внутренней
ограде

Столпились мы, отчаянный, по-
следний

Израиля остаток... Тут увидел
Я несказанное: под святотат-
ной

Рукою скиния открылась, стало
Нам видимо невиданное оку
Дотоль – ковчег завета... В этот
миг

Храм запылал, и в скинию пожар
Ворвался... Мы, весь гибнущий
Израиль,

И с нами нас губящий враг в еди-
ный

Слилися крик, одни завыв от го-
ря,

А те заликовав от торжества
Победы... Вся гора слилася в пла-
мя,

И посреди его, как длинный, гору
Обвивший змей, чернело войско
Рима.

И в этот миг все для меня ис-
чезло.

Раздавленный обрушившимся

храмом,

Я пал, почувствовав, как череп
мой

И кости все мои вдруг сокруши-
лись.

Беспамятство мной овладело...
Долго ль

Продлилось оно – не знаю. Я
Пришел в себя, пробившись
сквозь какой-то

Невыразимый сон, в котором все
В одно смешалось страданье.

Боль

От раздробленья всех костей, и
бремя

Меня давивших камней, и дыха-
нья

Запертого тоска, и жар болез-
ни,

И нестерпимая работа жизни,
Развалины разрушенного тела
Восстанавливающей при страш-
ной муке

И голода и жажды – это все
Я совокупно вытерпел в ка-
ком-то

Смятенном, судорожном сне,
без мысли,

Без памяти и без забвенья, с чувством

Неконченного бытия, которым,
Как тяжелой грезой, вся душа
Была задавлена и трепетала
Всем трепетом отчаянным, какой

Насквозь пронзает заживо зарытых

В могилу. Но меня моя могила
Не удержала; я из-под обломков,
Меня погребших, вышел снова
жив

И невредим; разбив меня на-
смерть,

Меня, ожившего, они извергли,
Как скверну, из своей громады.

Очнувшись, в первый миг я
не постигнул.

Где я. Передо мною подымались
Вершины горные; меж них лежали

Долины, и все они покрыты были
Обломками, как будто бы то
место

Град каменный, обрушившись с
неба,

Незапно завалил: и там нигде
Не зрелось живого человека —
То был Ерусалим!.. Спокойно
солнце

Садилось, и его прощальный
блеск,
На высоте Голгофы угасая,
Оттуда мне блеснул в глаза – и
я,

Ее увидя, весь затрепетал.
Из этой повсеместной тишины,
Из этой бездны разрушенья сно-
ва

Послышалось мне: "Ты будешь
жить,

Пока я не приду". Тут в первый
раз

Постигнул я вполне свою судьби-
ну.

Я буду жить! я буду жить, пока
Он не придет!.. Как жить?.. Кто
он? Когда

Придет?.. И все грядущее мое
Мне выразилось вдруг в остове
этом

Погибшего Ерусалима: там
На камне камня не осталось;
там

Мое минувшее исчезло все;
Все, жившее со мной, убито;
там

Ничто уж для меня не оживет
И не родится; жизнь моя вся бу-
дет,

Как этот мертвый труп Ерусалима,

И жизнь без смерти. Я в бешен-
стве завыл

И бешеное произнес на все
Проклятие. Без отзыва мой го-
лос

Раздался глухо над громадой
камней,

И все утихло... В этот миг звез-
да

Вечерняя над высотой Голгофы
Взошла на небо... и невольно,
Сколь мой ни бешенствовал дух,
в ее

Сиянье тайную отрады каплю
Я смертоносным питием хулы
И проклинанья выпил; но была
то

Лишь тень промчавшегося
быстро мига.

Что с одного я испытал мгнове-

нья?

О, как я плакал, как вопил, как
дико

Роптал, как злобствовал, как
проклинал,

Как ненавидел жизнь, как
страстно

Невнемлющую смерть любил? С
двойным

Отчаяньем и бешенством слова

Страдальца Иова я повторял:

"Да будет проклят день, когда
сказали:

Родился человек; и проклята

Да будет ночь, когда мой первый
крик

Послышался; да звезды ей не све-
тят,

Да не взойдет ей день, ей, неза-
першей

Меня родившую утробу!" А когда
я

Вспоминал слова его печали

О том, сколь малодневен чело-
век:

"Как облако уходит он, как цвет

Долинный вянет он, и место, где

Он прежде цвел, не узнает

его", —

О! этой жалобе я с горьким плачем

Завидовал... Передо мною все
Рождалось и в час свой умирало;
День умирал в заре вечерней,
ночь

В сиянье дня. Сколь мне завидно
было,

Когда на небе облако свободно
Летело, таяло и исчезало;
Когда свистящий ветер вдруг
смолкал,

Когда с деревьев падал лист; все,
в чем

Я видел знамение смерти, было
Мне горькой сладостью; одна
лишь смерть —

Смерть, упование не быть, ис-
чезнуть —

Всему, что жило вокруг меня, да-
вала

Томительную прелесть; жизнь
же

Всего живущего я ненавидел
И клял, как жизнь проклятую
мою...

И с этой злобой на творенье, с

диким

Восстаньем всей души против
творца

И с несказанной ненавистью
против

Распятого, отчаянно пошел я.
Неумирающий, всему живому
Враг, от того погибельного ме-
ста,

Где мне моей судьбы открылась
тайна.

Томимый всеми нуждами зем-
ными,

Меня терзавшими, не убивая,
И голодом, и жаждою, и зноем,
И хладом, грозною нуждой вле-
комый,

Я шел вперед, без воли, без пред-
мета.

И без надежды, где остановитъ-
ся

Или куда дойти; я не имел
Товарищей: со мною братства
люди

Чуждались; я от них гостепри-
имства

И не встречал и не просил. Как

нищий,

Я побирался... Милостыню мне
Давали без вниманья и участия,
Как лепт, который мимоходом
Бросают в кружку для убогих,
вовсе

Незнаемых. И с злобой я хватал,
Что было мне бросаемо с пре-
зрением.

Так я сыпучими песками жизни
Тащился с ношею моею, зная,
Что никуда ее не донесу;
И вместе с смертию был у меня
И сон, успокоитель жизни, от-
нят.

Что днем в моей душе кипело:
ярость

На жизнь, богопроклятие, враж-
да

С людьми, раздор с собою, и ви-
ны —

Непризнаваемой, но беспрестан-
но

Грызущей сердце – боль, то в
темноте

Ночной, вокруг изголовья моего
Толпою привидений стоя, сон
От головы измученной моей

Неумолимо отгоняло. Буря
Ночная мне была отрадней ти-
хой,

Украшенной звездами ночи:
там,

С мутящим землю бешенством
стихий,

Я бешенством души моей сли-
вался.

Здесь каждая звезда из мрака
бездны,

Там одинокая меж одиноких,
Подобно ей потерянных в про-
странстве,

Как бы ругаясь надо мною, мне
Мой жребий повторяла, на меня
С небес вперяя пламенное око.

Так, в исступлении страданья,
злости

И безнадежности, скитался я
Из места в место; все во мне
скопилось

В одну мучительную жажду
смерти.

«Дай смерть мне! дай мне
смерть!» – то
было криком

Моим, и плачем, и молением

Пред каждым бедствием зем-
ным, которым

На горькую мне зависть гибли
люди.

Кидался в бездну я с стремнины
горной:

На дне ее, о камни сокрушенный,
Я оживал по долгой муке. Море в
лоно

Свое меня не принимало; пла-
мень

Меня пронзал мучительно на-
сквозь,

Но не сжигал моей проклятой
жизни.

Когда к вершинам гор скопля-
лись тучи

И там кипели молнии, туда
Взбирался я, в надежде там по-
гибнуть;

Но молнии кругом меня вились,
Дробя деревья и утесы: я же
Был пощажен. В моей душе блес-
нула

Надежда бедная, что – может
быть —

В беде всеобщей смерть меня с
другими

Скорей, чем одинокого, ошибкой
Возьмет: и с чумными в больни-
це душной

Я ложе их делил, их трупы брал
На плечи и, зубами скрежеща
От зависти, в могилу относил:
Напрасно! мной чума пренебре-
гала.

Я с караваном многолюдным
степью

Песчаной Аравийской шел;
Вдруг раскаленное затмилось
небо,

И солнце в нем исчезло: вихрь
Песчаный побежал от горизон-
та

На нас; храпя, в песок уткнули
морды

Верблюды, люди пали ниц – я
грудь

Подставил пламенному вихрю:
Он задушил меня, но не убил.

Очнувшись, я себя увидел посре-
ди

Разбросанных остовов, на пиру
Орлов, сдирающих с костей об-
рывки

Истлевших трупов.– В тот

ужасный день,
Когда исчез под лавой Геркуланум
И пепел завалил Помпею, я
Природы судорогой страшной
был
Обрадован: при стоне и трясе-
нье
Горы дымящейся, горячей, тучи
Золы и камней и кипучей лавы
Бросающей из треснувшего чрева,
При вое, крике, давке, шуме в бег-
стве
Толпящихся сквозь пепел, все за-
тмивший,
В котором, ничего не озаряя,
Сверкал невидимый пожар горы.
Отчаянно пробился я к потоку
Всепожирающему лавы: ею
Обхваченный, я, вмиг прожжен-
ный, в уголь
Был обращен, и в море,
Гонимый землетрясения силой.
Был вынесен, а морем снова бро-
шен
На брег, на произвол землетря-
сенью.

То был последний опыт мой на-
сильством

Взять смерть; я стал подобен
гробу,

В котором запертой мертвец,
оживши

И с криком долго бившись пона-
прасну,

Чтоб вырваться из душного за-
клепа.

Вдруг умолкает и последней
ждет

Минуты, задыхаясь: так в моем
Несокрушимом теле задыхалась

Отчаянно моя душа. "Все
Конец: живи, не жди, не веруй,
злбствуй

И проклинай; но затвори молча-
ньем

Уста и замолчи на вечность" –
так

Сказал я самому себе...

Но слушай.

Тогда был век Траяна; в Рим
Из областей прибывший импера-
тор

В Веспасиановом амфитеатре

Кровавые готовил граду игры:
Бой гладиаторов и христиан
Предание зверям на растерза-
нье.

Пронесся слух, что будет знаме-
нитый

Антиохийской церкви пастырь,
старец

Игнатий, льву ливийскому на
пищу

В присутствии Траяна предан.
Трепет

Неизглаголаный при этом слу-
хе

Меня проник. С народом побе-
жал я

В амфитеатр – и что моим
очам

Представилось, когда я с самых
верхних

Ступеней обозрел глазами без-
дну

Людей, там собранных! Сквозь
яркий

пурпур

Растянутой над зданьем легкой
ткани,

Которую блеск солнца багрянил,

И зданье, и народ, и на высоком
Седалище отсюда зримый ке-
сарь

Казались огненными. В это
Мгновение последний глади-
атор,

Народом не прощенный, был за-
резан

Своим противником. С окровав-
ленной

Арены мертвый, труп его тащи-
ли,

И стала вдруг она пуста. Народ
Умолк и ждал, как будто в
страхе, знака

Не подавая нетерпенья. Вдруг
В глубокой этой тишине раздал-
ся

Из подземелья львиный рев, и
сквозь

Отверзтый вход амфитеатра
старец

Игнатий и с ним двенадцать
христиан,

Зверям на растерзанье произ-
вольно

С своим епископом себя предав-
ших,

На страшную арену вышли. Старец,

Оборотясь к другим, благословил их,

Ему с молением упавших в ноги;
Потом они, прижав ко груди руки:

"Тебя, – запели тихо, – бога, хвалим,

Тебя едиными устами в смертный

Час исповедуем..." О, это пенье,
В Ерусалиме слышанное мною
На праздничных собраниях христиан

С кипеньем злобы, здесь мою
всю душу

Проникнуло незапным вдохновением.

Что предо мной открылось в
этот миг,

Что вдруг во мне предчувствием
чего-то

Невыразимого затрепетало
И как, в амфитеатр ворвавшись,

я
Вдруг посреди дотоле ненавистных

Мне христиан там очутился – я
Не знаю. Пенье продолжалось;

но

Уж на противной стороне арены
Железная решетка, загремев,
упала,

И уж в ее отверстии стоял
С цепей спущенный лев, и озира-
лся...

И вдруг, завидя вдалеке добычу,
Он зарыкал... и вспыхнули глаза,
И грива стала дыбом... Тут впе-
ред

Я кинулся, чтоб старца засло-
нить

От зверя... Он уже кидался к
нам

Прыжками быстрыми через аре-
ну;

Но старец, кротко в сторону
меня

Рукою отодвинув, мне сказал:
"Должно пшено господнее в зу-
бах

Звериных измолотья, чтоб гос-
подним

Быть чистым хлебом; ты же,
друг, отселе

Пооди в свой путь, смиришь, живи
и жди..."

Тут был он львом обхвачен... Но
успел

Еще меня перекрестить и взор
Невыразимый от меня на небо
В слезах возвесть, как бы меня
ему

Передавая... О, животворящий,
На вечность всю присутствен-
ный в душе,

Небесного блаженства полный
взгляд!

Могуществом великого мгнове-
нья

Сраженный, я без памяти упал
К ногам терзаемого диким зве-
рем

Святителя; когда ж очнулся,
вкруг

Меня в крови разбросанные чле-
ны

Погибших я увидел; и усталый
Терзанием лежал, разинув пасть
И быстро грудью жаркою дыша,
Спокойный лев, вперив в меня
свои

Пылающие очи. Но когда

Я на ноги поднялся, он вскочил,
И заревел, и в страхе от меня
Стал пятиться, и быстро вдруг
Через арену побежал, и скрылся
В своем заклёпе. Весь амфите-
атр

От восклицаний задрожал, а я
От места крови, плача, удалил-
ся,

И из ворот амфитеатра беспре-
градно
вышел

Что после в оный чудный день
случилось.

Не помню я; но в благодатном
взгляде,

Которым мученик меня усвоил
В последний час свой небесам,
опять

Блеснула светлая звезда, мгно-
венно

Мне некогда блеснувшая с Голго-
фы,

В то время безотрадно, а те-
перь

Как луч спасения. Как будто
что-то

Мне говорило, что моя судьба

Переломилась надвое; стремле-
нье

К чему-то не испытанному
мною

Глубоко мне втеснилось в грудь,
и знаком

Такого измененья было то,
Что проклинание моим устам
Произносить уже противно ста-
ло,

Что злоба сердца моего в уны-
лость

Безмолвно-плачущую обрати-
лась.

Что наконец страдания мои
Незаянная отрада посетила:
Хотя еще к моей груди усталой.
По-прежнему, во мраке ночи сон
Не прикасался; но уже во тьме
Не ужасы минувшего, как злые
Страшилища, передо мной сто-
яли,

В меня вонзая режущие душу
Глаза; а что-то тихое и мне
Еще неоткровенное, как свежий,
Предутренный благоуханный
воздух —

Вливалось в меня и усмиряло

Мою борьбу с собой. О! этот
взгляд!

Он мне напомнил тот при-
скорбно-кроткий,

С каким был в оный день мой
приговор

Произнесен... Но я уже не злобой
Наполнен был при том воспоми-
нанье,

А скорбью раскаянья глубокой
И чувствовал стремленье пасть
на землю,

Зарыть лицо во прах и горько
плакать.

То были первые минуты тайной.
Будящей душу благодати, пер-
вый,

Еще неясно слышный, безответ-
ный,

Но усладительный призыв к
смиренью

И к покаянью. В языке нет сло-
ва,

Чтоб имя дать подобному
мгновенью,

Когда с очей души вдруг слепота
Начнет спадать и божий свет-
лый мир

Внутри и вне ее, как из могилы,
Начнет с ней вместе воскре-
сать. Такое

Движение в моей окаменелой
Душе незапно началось... Было
Оно подобно зыби после бури,
Когда нет ветра, небеса светле-
ют,

А волны долго в диком беспоряд-
ке

Бросаются, кипят и стонут. В
этой

Борьбе души меж тьмой и све-
том я

Неодолимое влеченье в край
Отечества почувствовал, к го-
рам

Ерусалима – и к берегам желан-
ным

Поплыл я, и корабль мой
Прибила буря к острову Патмо-
су. Промысл

Господний втайне от меня ту
бурю

Послал. Там жил изгнанник,
старец

Столетний, Иоанн, благовести-
тель

Христа и ученик его любимый.
О нем не ведал я: но провиденье
Меня безведомо к нему путем
Великой бури привело, и цепью
бури
Корабль наш был прикован к бе-
регам
Скалистым острова, пока со
мною
Вполне моя судьба не соверши-
лась.

Скитаясь одиноко, я незапно
Во глубине долины, сокровенной
От странника густою тенью
пальм
И кипарисов, встретил там свя-
того
Апостола".

При этом слове пал
На землю Агасфер, и долго он
Лежал недвижим, головой во
прахе.
Когда ж он встал, его слезами
были

Облиты щеки; а в чертах его
Тысячелетнего лица с глубокой
Печалию, с невыразимо груст-
ной

Любовию была слита молитвы
Неизглаголамная святость. Он
Был в этот миг прекрасен той
красою,

Какой не знает мир. Он продол-
жал:

"Ни помышлять, ни говорить об
этой
встрече

Я не могу иначе, как простер-
шись в прахе,

С тоской раскаянья, в тоске
любви,

Проникнутый огнем благодаре-
нья.

Он из кремня души моей упор-
ной

Животворящим словом выбил
искру

Всепримиряющего покаяния;
И именем того, кто нам один
Дает надежду, веру и любовь,
Мой страшного отчаянья удел
Преобразил в удел святого ми-

ра,
И наконец, когда я, сокрушен-
ный,
Как тот разбойник на кресте, к
ногам
Обиженного мной с смиренным
сердцем
Упав, воскликнул: "Помяни ме-
ня,
Когда во царствие свое прии-
дешь!" —
Он оросил меня водой крещенья,
И на другое утро – о, незаходи-
мый,
О, вечный день для памяти моей
—
За утренней звездой солнце ти-
хо
Над морем подымалось на во-
стоке,
Когда он, перед хлебом и перед
чашей
Вина со мной простершись, сам
вина
и хлеба
Вкусил и мне их дал вкусить,
сказав:
"Со страхом божиим и с верой,

сын мой,

К сим тайнам приступи и причастись

Спасению души в святом Христа
За нас пронзенном теле и Христовой

За нас пролитой крови". И потом

Он долго поучал меня, и мне открыл

Значение моей, на испытанье
Великое приговоренной, жизни,
И наконец перед моими, мраком
Покрытыми, очами приподнял
Покров с грядущего, покров с того,

Что было, есть и будет.

Начинало

Скрываться солнце в тихом лоне моря,

Когда, меня перекрестив, со мною

Святой евангелист простился.
Ветер,

Попутный плаванию в Палестину,

Стал дуть: мы поплыли под

звездным

небом

Полупрозрачной ночи. Тут впервые

Преображение моей судьбы

Я глубоко почувствовал; впервые,

Уже сто лет меня не посещавший,

Сошел ко мне на вежды сон, и с ним

Давно забытая покоя сладость

Мою проникла грудь. Но этот сон

Был не один страдания ценитель,—

Был ангел, прямо низ летевший с неба.

Все, что пророчески евангелист

Великий чудно говорил мне,

То в образах великих этот сон

Явил очам моей души, и в ней

Те образы, в течение столетий

Не помраченные, час от часу

Живей из облакающей их тайны

Моей душе сияют, перед ней

Неизглаголанно прообразуя

Судьбы грядущие. Корабль наш,

ветром

*Попутным тихо по водам несо-
мый,*

*По морю гладкому, не колыха-
ясь,*

*Летел, а я непробудимым сном,
Под веяньем полуночной прохла-
ды,*

*Спал, и во сне стоял передо мной
Евангелист и вдохновенно он
Слова те огненные повторял,
Которыми, беседуя со мною,
Перед моим непосвященным
оком*

*Разоблачал грядущего судьбу;
И каждое пророка слово, в слух
мой*

*Входя, в великий превращалось
образ*

*Перед моим телесным оком.
Все,*

*Что ухо слышало, то зрели очи;
И в слове говорящего со мной
Во сне пророка все передо мной,
И надо мной, на суше, на водах,
И в вышине небес, и в глубине
Земли видений чудных было пол-
но.*

Я видел трон, на четырех стоя-
щий

Животных шестокрылых, и на
троне

Сидящего с семью запечатлен-
ной

Печатями великой книгой.

Я видел, как печати с книги аг-
нец

Сорвал, как из печатей тех че-
тыре

Коня исторглись, как страшный
всадник,

смерть,

На бледном поскакал коне и как

Пред агнцем все – и небо, и зем-
ля,

И все, что в глубине земли, и все,

Что в глубине морей и небеса,

И все тьмы ангелов на небесах

В единое слилось славохваленье.

Я зрел, как ангел светлый совер-
шил

Двенадцати колен запечатленья

Печатию живого бога: зрел

Семь ангелов с великими, гнев
божий,

Беды и казнь гласящими труба-
ми,

И слышал голос: «Время минова-
лось!»

Я видел, как дракон, губитель
древний,

Вслед за женой, двенадцатью
звездами

Венчанной, гнался: как жена в
пустыню

Спаслася, а ее младенец был
На небо унесен; как началась
Война на небесах и как архангел
Низверг дракона в бездну и его
Всю силу истребил; и как потом
Из моря седмиглавый зверь под-
нялся;

Как обольщенные им люди бога
Отринули; как в небесах явился
Сын человеческий с серпом; как
жатва

Великая свершилась; как на бе-
лом

Коне потом, блестящий свет-
лым, белым

Оружием, – себя ж именовал
Он «Слово божие» – явился всад-
ник:

Как вслед за ним шло воинство
на белых

Конях, в виссон одеянное чи-
стый,

И как из уст его на казнь людей
Меч острый исходил;

Как от того меча и зверь и рать
Его погибли; как дракон, цепями

Окованный, в пылающую бездну
На тысячу был лет низвергнут;

как

Потом на высоте великий бе-
лый

Явился трон; как от лица на
троне

Сидящего и небо и земля

Бежали, и нигде не обрелось

Им места; как на суд предстало
все

Создание; как мертвых возвра-
тили

Земное чрево и морская бездна;

Как разогнулася перед престо-
лом

Господним книга жизни; как по-
следний

Суд по делам для всех был изре-
чен

*И как в огонь неугасимый были
Низвержены на вечность
смерть и ад.*

*И новые тогда я небеса
И землю новую узрел и град
Святой, от бога нисходящий, но-
вый*

*Ерусалим, как чистая невеста
Сияющий, увидел. И раздался,
Услышал я, великий свыше го-
лос:*

*"Здесь скиния господня, здесь
господь*

*Жить с человеками отныне бу-
дет;*

*Здесь храма нет ему, здесь сам
он храм
свой;*

*Здесь всякую слезу отрет он;
Ни смерти более, ни слез, ни
скорби*

*И никаких страданий и недугов
Не будет здесь, понеже минова-
лось*

*Все прежнее и совершилось дело
Господнее. Не нужны здесь ни
солнце,*

Ни светлость дня, ни ночи темнота,

Ни звезды неба; здесь сияет слава

Господняя, и агнец служит здесь
Светильником, и божие лицо
Спасенные очами видеть будут".

И слышал я, как все небес пространство

Глас наполнял отовсюду говорящий:

"Я бог живой, я Альфа и Омега,
Начало и конец, подходит время".

Такие образы в ту ночь, когда
Я спящий плыл к берегам Святой
Земли.

Мой первый сон блаженный озаряли.

Недаром я о том здесь говорю,
Что из Писаний ты без веры знаешь:

Хочу, чтоб ты постиг вполне
мой жребий.

Когда пророк святое откровенье
Мне передал своим глаголом
дивным,

Во глубине души моей оно
Осталось врезанным; и с той по-
ры

Во тьме моей приговоренной
жизни

На казнь скитальца Каина, оно
Звездой грядущего горит; я в
нем

Уже теперь надеждою живу,
Хотя еще не уведен из жизни
Рукой меня отвергшей смерти.

Солнце

Всходило в пламени лучей, когда
Меня покинул сон мой; перед на-
ми

На лоне голубого моря темной
Тянулся полосою брег Святой
Земли; одни лишь горы – снего-
вой

Хермон, Кармил прибрежный,
кедрonosны!

Ливан и Элеон из низших гор —
Свои зажженные лучами солнца
Вершины воздвигали. О, с каким
Невыразимым чувством я сту-
пил

На брег земли обетованной, где
Уж не было Израиля! Прошло

Третью века с той поры, как я ее
Покинул. О, что был я в страш-
ный миг

Разлуки с ней, и что потом со
мною

Сбылось, и каким я возвратился
В страну моих отцов! Я был по-
добен

Колоднику, который на свободе
В ту заглянул тюрьму, где мно-
го лет

Лежал в цепях, где все, кого на
свете

Знал и любил, с ним вместе за-
пертые,

В его глазах погибли; где каж-
дый день

Его терзали пыткой палачи,
И с ними самый яростный из
всех

Палач – обремененное ужасной
Виной, бунтующее против жиз-
ни

И бога – собственное сердце. Я
Не помню, что во мне сильнее
было —

Ужасная о прошлой пытке па-
мять.

Безлюдною странною окружен-
ный,

Где царствовал опустошенья
ужас,

Достигнул я Ерусалима. Он
Громадой черных от пожара
камней,

Как мертвый труп, иссеченный
в куски,

Моим очам явился, вдвое
страшный

Своею мрачностью в сиянье ти-
хом

Безоблачного неба. И случилось
То в самый праздник Пасхи; но
его

Не праздновал никто: в Ерусали-
ме

Не смел народ на праздник свой
великий

Сходиться. К бывшему пробрав-
шись

Святылищу, узнал я с содрога-
ньем

То место, где паденьем храма я,
Раздавленный, был смертью от-
вергнут.

Вдруг, посреди безмолвия разва-

лин,

В мой слух чуть слышно шепчущее пенье

Проникло: меж обломков я увидел

Простертых на землю немногих старцев,

И женщин, и детей – остаток бедный

Израиля. Они, рыдая, пели:

"Господний храм, мы плачем о тебе!

Ерусалим, мы о тебе рыдаем!

Мы о тебе скорбим, богоизбранный,

Богоотверженный Израиль! Слава

Минувшая, мы плачем о тебе!"

При этом пенье я упал

На землю и в молчанье плакал горько,

О прежней славе божьего народа

И о его постигшей казни помышляя.

Но мне он был уже чужой, он чужд

И всей земле был; не могло

Его ничто земное ни унижить,

И возвеличить: он, народ избранный

Народ отверженный от бога был;

На нем лежит печать благословенья – он

Запечатлен проклятия печатью;

В упорной слепоте еще он ждет
Того, что уж свершилось и вновь

Не совершится: он в своем
безумстве

Не верует тому, что существует

Им столь желанное и им самим
Отвергнутое благо; и его

Надежда ложь, его без смысла
вера.

От плачущих я тихо удалился
И, с трепетом меж камней пробираясь,

Не узнавал следов Ерусалима.

Но вдруг невольно я оцепенел:

Перед собой увидел я остаток

Стены с ступенями пред уцелевшей

И настезь отверженной дверью.

В ней

Сидел шакал. Он, злобными глазами

Сверкнувши на меня, как демон, скрылся

В развалинах. То был мой прежний дом,

И я стоял пред дверью роковой,
Свидетелем гибели моей;

И мне в глаза то место, где тогда

Измученный остановился он,
Чтоб отдохнуть у двери, от которой

Безжалостной рукою оттолкнул

Спасителя, пятном кровавым страшно

Блеснуло. Я упал, лицом прикинув

К земле, к которой некогда нога
Святая прикоснулась; и слезами

Я обливал ее; и в этот миг

Почудилось мне, что он, каким
Его тогда я видел, мимо в прахе

Лежавшей головы моей прошел
Благословляющий... Я поднялся.

И в этот миг мне показалось,
будто

Передо мной по улице тянулся
Тот страшный ход, в котором
нес свой крест

Он, бешеным ругаемый народом.
Вслед за крестом я побежал; но
скоро

Передо мной видение исчезло,
И я себя увидел у подошвы
Голгофы. Отделясь от черной
груды

Развалин, зеленью благоуханной
Весны одетая, в сиянье солнца,
Сходящего на запад, мне она
Торжественно предстала, как
зажженный

Пред богом жертвенник. И дол-
го-долго

Я на нее смотрел в оцепененье.
О, как она в величии спокойном,
Уединенная, там возвышалась;
Как было все кругом нее без-
молвно;

Как миротворно солнце нисхо-
дило

С небес, на всю окрестность на-
водя

Вечерний тихий блеск; как был
ужасен

Разрушенный Ерусалим в виду
Благоухающей Голгофы! Долго
Я не дерзал моею оскверненной
Ногой к ее святыне прикоснуть-
ся.

Когда ж взошел на высоту ее,
О, как мое затрепетало сердце!
Моим глазам трех рытвин след
явился,

Полузаглаженный, на месте, где
Три были некогда водружены
Креста. И перед ним простер-
шись в прах,

Я горькими слезами долго пла-
кал;

Но в этот миг раскаянья терза-
нье —

И благодарностью, невырази-
мой

Словами человеческими, было.
Казалось мне, что крест еще
стоял

Над головой моей; что я, его
Обняв, к нему всей грудью при-
жимался,

Как блудный сын, коленопрекло-
ненный,

К ногам отца, готового про-

ститъ.

Дни праздника провел я одиноко
На высоте Голгофы в покаянье,
Один, отвсюду разрушеньем
страшным

Земных величий и всего, что было

Моим житейским благом, окруженный.

Между обломками Ерусалима
Пробравшись и перешед Кедрон,
Достигнул я по скату Элеонской
Горы до Гефсиманских густо-
тенных

Олив. Там, сокрушенный, долго я
Во прахе горько плакал, помышляя

О тех словах, которые он здесь

—
Он, сильным бог, как человек,
последних

С страданием лишенный сил – в
смертельной

Тоске здесь произнес на поученье
И на подпору всем земным стра-
дальцам.

Его божественной я не дерзнул
Молитвы повторить; моим

устам

Дать выразить ее святыню я
Достоин не был. Но какое слово
Изобразит очарованье ночи,
Под сенью Гефсиманских мас-
лин мною

В молчании всемирном прове-
денной!

Когда взошел на верх я Элеоис-
кой

Горы, с которой, вес свершив
земное,

Сын человеческий на небеса
Вознесся, предо мной явилось
солнце

В неизреченном блеске на восто-
ке;

Зажглась горы вершина; тонкий
пар

Еще над сенью маслин Гефси-
манских

Лежал; но вдалеке уже горела
В сиянье утреннем Голгофа. Чер-
ным

Остовом посреди их, весь еще
Покрытый тению от Элеонской
Горы, лежал Ерусалим, как буд-
то

Сиянья воскресительного ждущий.

В последний раз с святой горы
взглянул я

На град Израилев, на сокрушен-
ный

Ерусалим; еще в его обломках
Я видел труп с знакомыми чер-
тами,

Но скоро он и в признаках своих
Был должен умереть. Была го-
това

Рука, чтоб разбросать его об-
ломки;

Был плуг готов, чтоб запахать
то место,

Где некогда стоял Ерусалим;
На гробе прежнего другой был
должен

Воздвигнуться, несокрушимо
твердый

Одной Голгофою и вовсе чуждый
Израилю бездомному, как я.

На горькое скитанье по земле
Приговоренному до нисхожде-
нья

От неба нового Ерусалима.

Благословив на вечную разлуку
Господний град, я от него пошел,
И с той поры я странствую. Но
слушай:

Мой жребий все остался тот
же, страшный,
Каким он в первое мгновенье пал
На голову преступную мою.

Как прежде, я не умирать и веч-
но

Скитаться здесь приговорен;
всем людям

Чужой, вселяющий в сердца их
ужас,

Иль отвращение, или презренье;
Нужды житейские терпящий:
голод, жажду.

И зной, и непогоду; подаяньем
Питаться принужденный, при-
нимая

С стыдом и скорбию, что пер-
вый встречный

С пренебреженьем мне обидным
бросит.

Мне самому нет смерти, для
людей же

Я мертвый: мне ни жизнь мою
утратить,

Ни беззатратной жизнью доро-
жить

Не можно; ниоткуда мне опас-
ность

Не угрожает на земле: разбой-
ник

Меня зарезать не посмеет;
зверь,

И голодом яримый, повстречав-
шись

Со мною, в страхе убежит; не
схватит

Меня земля разинутой своею
В землетрясенье пастью; не за-
душит

Меня гора своим обвалом: море
В своих волнах не даст мне за-
хлебнуться.

Все, все мои безумные попытки
Жизнь уничтожить были без-
успешны:

Самоубийство недоступно мне;
Не смерть, а не убийственную с
смертью

Борьбу напрасно мучимому те-
лу

Могу я дать бесплодными свои-
ми

Порывами на самоистребленье:
А душу из темницы тела я
Не властен вырвать: вновь оно,
В куски изорванное, воскресает.
Так я скитаюсь, и нет, ты ска-
жешь,

Страшней моей судьбы. Но ве-
дай: если

Моя судьба не изменилась, сам я
Уже не тот, каким был в то
мгновенье,

Когда проклятье пало на меня,
Когда, своей вины не признавая,
Свирепо сам я проклинал того,
Кто приговор против меня из-
рек.

Я проклинал; я бешено бороться
С неодолимой силою дерзал.

О, я теперь иной!.. Тот, за меня
Поднятый к небу, мученика
взгляд

И благодать, словами Богослова
В меня влияющая, переродили
Озлобленность моей ожесто-
ченной

Души в смирение, и на Голгофе
Постигнул я все благо казни, им
Произнесенной надо мной, как

мнилось

Безумцу мне, в непримиримом
гневе.

О, он в тот миг, когда я им ругался,

Меня казнил, как бог: меня спасал

Погибелью моей, и мне изрек
В своем проклятии благословенье.

Каким путем его рука меня,
Бежавшего в то время от Голгофы,

Где крест еще его дымился кровью,

Обратно привела к ее подошве!
Какое дал мне воспитанье он
В училище страданий несказанных

И как цена, которою купил я
Сокровище, им избранное мне,
Пред купленным неоценимым
благом —

Ничтожна! Так, перерожденный, новый,

Пошел я от Голгофы, произвольно,

С благодарением, взяв на плеча

Весь груз моей судьбы и сокру-
шенно

Моей вины всю глубину измерив.

О, благодать смирения! о, сла-
дость

Целительной раскаянья печали

У ног спасителя! Какою новой

Наполнился я жизнью; какой

Во мне и вокруг меня иной от-
крылся

Великий мир, когда, себя низ-
вергнув

Смиреньем в прах и уничтожив

Все обаяния, все упования

Земные, я бунтующую волю

Свою убил пред алтарем господ-
ним,

Когда один с раскаянной виною

Перед моим спасителем остал-
ся!

Блажен стократ, кто верует,
не видеv

Очами, а смиренной волей разум

Святыне откровенья покоряя!

Очами видел я: но вере долго

Не отворяла дверь моей души

Бунтующая воля. Наконец,

Когда я, всю мою вину постиг-

нув,

Раскаяньем терзаемый, был
брошен

К ногам обруганного мною бога,
Моей судьбы исчезла безотрад-
ность;

Все изменилось. Тот, кого безум-
но

Я отрицал, моим в пустыне
жизни

Сопутником, подпорой, другом,
все

Земное заменившим, все земное
Забвению предавшим, стал;

За ним, как за отцом дитя, по-
шел я,

Исполненный глубоким сокруше-
ньем,

Которое, мою пронзая душу,
К нему ее глубокую любовь
Питало, как елей питает пламя
В лампаде храма. И мою в нею
Я веру всею силою любил,
Как утопающий ту доску лю-
бит.

Которая в волнах его спасает
Но этот мир достался мне не
вдруг

Мертвец между живыми, навсегда

К позорному прикованный столбу

Перед толпой ругательной коллодник,

Я часто был тоскою одолеваем;

Тогда роптанье с уст моих срывалось;

Но каждый раз, когда такой порыв

Души, обиженной презреньем горьким

Людей, любимых ею безответно,

Меня крушил, мне явственней являлось

Чудовище моей вины, меня

Пожрать грозящее, и с обновленной

Покорностью сильней я прижился

К окровавленному кресту Голгофы.

И наконец, по долгой, несказанной

Борьбе с неукротимым сердцем, после

Несчетных переходов от паде-
ний,

Ввергающих в отчаянье, к побе-
дам

Вновь воскрешающим, по мно-
гих, в крепкий

Металл кующих душу, испыта-
ньях,

Я начал чувствовать в себе тот
мир.

Который, всю объемля душу, в
ней

Покорного терпенья тишину
Неизглаголанную водворяет.

С тех пор во мне смирилось все.

Что

Желать? О чем жалеть? Чего
страшиться?

Надеждами? Зачем скорбеть,
встречая

Презрение иль злобу от людей?

Я с ним, он мой, он все, в нем все,
им все;

Все от него, все одному ему.

Такое для меня знаменованье

Теперь прияла жизнь. Я казнь
мою

Всем сердцем возлюбил: она мое

Души хранитель. И с людьми,
меня

Отвергшими, я примирился, в
сердце

Божественное поминая слово:
«Отец! прости им; что творят,
не знают!»

Меж ними ближнего я не имею,
Но сердце к ним исполнено лю-
бовью.

И знай, пространства нет здесь
для меня

– Так соизволил бог! – в одно
мгновенье

Могу туда переноситься я,
Куда любовь меня пошлет на по-
мощь;

На помощь – но не делом – сло-
вом, что

Могу я сделать для людей? не
словом

Бродяги – нет, могуществен-
ным словом

Утехи, сострадания, надежды,
Иль укоризны, иль остереженья.
Хотя мне на любовь всегда один
Ответ: ругательство или пре-
зрение;

Но для меня в ответе нужды
нет.

Мне места нет ни в чьем семей-
стве; я

Не радуюся ничьему рождению,
И никого родного у меня
Не похищает смерть. Все поко-
ленья,

Одно вслед за другим, уходят в
землю:

Я ни с одним из них не разлуча-
юсь,

И их отбытие мне незаметно.
Любовью к людям безнаград-
ной – я

Любовь к спасителю, любовь к
царю

Любви, к ее источнику, к ее
Подателю питаю. И с тех пор,
Как этот мир любви в меня про-
никнул,

Моя любовь к ним есть любовь к
тому.

Кто первый возлюбил меня: лю-
бовь.

Которая не ищет своего,
Не превозносится, не мыслит
зла,

Не знает зависти, не веселится
Неправдою, не мстит, не осуж-
дает:

Но милосердствует, но веру им-
лет,

Всему, смиряется и долго тер-
пит.

Такой любовью я близок к лю-
дям,

Хотя и розно с ними несказан-
ной

Моею участью; в веселья их
Семейств, в народные пиры их
Я не мешаюсь: но есть одно,
Что к ним меня заводит: это
смерть,

Давно утраченное мною благо,
Без ропота на горькую утрату,
Я в круг людей вхожу, чтоб
смертью

В ее земных явленьях насла-
диться.

Когда я вижу старика в послед-
ней

Борьбе с кончиною, с крестом в
руках,

Сначала дышащего тяжело,
вдруг

Бледного и миротворным сном
Заснувшего, и вокруг его постели
Стоит в молчании семья, и очи
Ему рука родная закрывает;
Когда я вижу бледного младен-
ца,

Возвышенного в ангелы небес
Прикосновением безмолвной
смерти;

Когда расцветшую невесту,
дочь,

Похищенную вдруг у всех жителей-
ских

Случайностей хранительною
смертью,

Отец и мать кладут во гроб; ко-
гда

В тюремном мраке сладко засы-
пает

Последним сном измученный ко-
лодник;

Когда на поле боя, перестав
Терзаться в судорогах смерт-
ных, трупы

Окостенелые лежат спокойно

—
Все эти зрелища в меня влива-
ют

Тоску глубокую; она меня,
Как устарелого скитальца па-
мать

О стороне, где он родился, где
Провел молодые дни, где был бо-
гат

Надеждами, томит; и слезы
лью

Из глаз, и я завидую счастливи-
цам,

Сокровище неоценимой смерти,
Его не зная, сохранившим. Есть
Еще одно великое мгновенье.

Когда я в круг людей, как их род-
ной,

Как соискуilenный их брат,
вступаю:

С смиреннем презренье их при-
емля,

Как очистительное наказанье
Моей вины, я к тайне причаще-
нья

Со страхом божиим и верой
сердцем

Единым с ними приступаю. В
час,

Когда небесные незримо силы
Пред божиим престолом в хра-

ме служат,
И херувимов братство христи-
ан
Шестокрылатых тайно образу-
ет,
И, всякое земное попеченье
Забыв, дориносимого чинами
Небесными паря царей подъем-
лет,
В великий час, когда на всех кон-
цах
Создания в одну сливает душу
Всех христиан таинственная
жертва,
Когда живые все – и царь, и ни-
щий,
И счастливый, и скорбный, и сво-
бодный.
И узник, и все мертвые в моги-
лах,
И в небесах святые, и пред богом
Все ангелы и херувимы, в брат-
ство
Единое совокупляся, чаще
Спасенья предстоят – о, в этот
час
Я людям брат, моя судьба забы-
та,

Ни прошлого, ни будущего нет,
Все предо мной земное исчезает,
Я чувствую блаженное одно
Всего себя уничтоженья в бо-
жьем

Присутствии неизреченном.
О, что б я был без этой казни,
всю

Мою пересоздавшей душу? Злоб-
ным

И нераскаянным богоубийцей
Сошел бы в землю... А потом?
Теперь же...

О, будьте вы навек благословен-
ны,

Уста, изрекшие мой приговор!
О ты, лицо, под тернами венца
Облитое струями крови, ты,
Печальный, на меня поднятый
взор,

Ты, голос, сладостный и в изре-
ченье

Преступнику суда – вас навсегда
Раскаянье хранит в моей душе;
Оно вас в ней своею мукой в веру,
Надежду и любовь преобратило.
Разрушив все, чем драгоценна
жизнь,

И осудив меня не умирать,
Он дал в замену мне себя. За
ним

Иду я через мир уединенным
Путем, чужой всему, но в круг
меня

Кипит, тревожит, радует, вол-
нует,

Томит сомнением, терзает
жаждой

Корорысти, сладострастья, сла-
вы, власти.

Что нужно мне? На голод – кор-
ка хлеба,

Ночлег – на непогоду, ветхий
плат —

На покровенье наготы; во всем
Ином я независим от людей
И мира. На потребу мне одно:
Покорность и пред господом
всей воли

Уничтожение. О, сколько силы,
Какая сладость в этом слове
сердца:

«Твое, а не мое да будет!» В нем
Вся человеческая жизнь; в нем
наша

Свобода, наша мудрость, наши

все

Надежды; с ним нет страха,
нет забот

О будущем, сомнений, колеба-
ний;

Им все нам ясно; случай исчеза-
ет

Из нашей жизни; мы своей судь-
бы

Властители, понеже власть то-
му

Над нею предали смиренно, кто
Один всесилен, все за нас, для нас
И нами строит, нам во благо.

Мир,

В котором я живу, который
вам,

Слепым невольникам земного,
должен

Казаться дикою пустыней –
нет,

Он не пустыня с той поры, как я
Был силою всевышнюю постиг-
нут

И, уничтоженный, пред нею пал
Во прах, она передо мною вся
В творении господнем отрази-
лась

Мир человеческий исчез, как призрак,

Перед господнею природой, в ней
Все выше сделалось размером,
все

Прияло высшее знаменованье.
О, этот мир презрительным
жизнейским

Заботам недоступен; он безверью

Ужасен; но тому, кто сердцем
весь

Раскаянья сосуд испил до дна
И, бога угадав страданьем, в руки

К нему из сокрушительных когтей

Отчаянья убежал, тому
Природа – врач, великая беседа
Господняя, развернутая книга,
Где буква каждая благовестит
Его Евангелие. Нет, о нет,
Для выраженья той природы
чудной,

Которой я, истерзанный, на
грудь

Упал, которая лекарство мне
Всегда целящее дает – я слов

Не знаю. Небо голубое, утро
Безмолвное в пустыне, свет ве-
черний.

В последнем облаке летящий с
неба,

Собор светил во глубине небес,
Глубокое молчанье леса, моря
Необозримость тихая или голос
Невыразимый в бурю; гор – по-
топа

Свидетелей – громады; беспре-
дельных

Степей песчаных зыбь и зной; ки-
пенья,

Блистанья, рев и грохот водопа-
дов...

О, как могу изобразить творе-
нья

Все обаяние. Среди господней
Природы я наполнен чудным
чувством

Уединения, в неизреченном
Его присутствии, и чудеса
Его создания в моей душе

Блаженною становятся молит-
вой;

Молитвой – но не призываньем в
час

Страдания на помощь, не прощаньем,

Не выраженьем страха иль надежды

А смирным, бессловесным предстояньем

И сладостным глубоким постиженьем

Его величия, его святости,
И благодати, и беспредельной власти,

И сладостной сыновности моей,
И моего пред ним уничтоженья:

Невыразимый вздох, в котором
вся

Душа к нему, горящая, стремится —

Такою пред его природой чудной
Становится моя молитва. С
нею

Сливается нередко вдохновенье
Поэзии; поэзия — земная

Сестра небесных молитвы, го-
лос

Создателя, из глубины созданья
К нам исходящий чистым отголоском

В гармонии восторженного сло-

ва.

Величием природы вдохновенный,

Непроизвольно я пою – и мне
В моем уединенье, полном бога,
Создание внимает посреди
Своих лесов густых, своих громадных

Утесов и пустынь необозримых,
И с высоты своих холмов зеленых,
С которых видны золотые нивы,
Веселые селенья человеков,
И все движенье жизни скоротечной.

Так странствую я по земле, в
глазах

Людей проклятый богом, никому

Земному благу непричастный,
злобный,

Все ненавидящий скиталец. Тайны

Моей они не постигают; путь мой

Их взорам не открыт: по высотам

Создания идет он, там, где я
Лишь небеса господние святые
Над головою вижу, а внизу,
Далеко под ногами, весь смятен-
ный

Мир человеческий. И с высоты
Моей, с ним не делясь его судь-
бой,

Я, всю ее одним объемля взором,
В ее волнениях и измененьях,
Как в неизменной стройности
природы,

Я вижу, слышу, чувствую лишь
бога.

Из глубины уединенья, где
Он мой единый собеседник, мне
Его пути среди разнообразных
Судеб земных видней. И уж вто-
рое

Тысячелетие к концу подходит
С тех пор, как по земле я одино-
кой

Дорогой странствую: и в этот
путь

Пошел я с той границы, на кото-
рой

Мир древний кончился, где на его
Могиле колыбель свою поставил

Новорожденный мир. За сей гра-
ницей,
Как великанские, сквозь тонкий
сумрак
Рассвета, смутно зримые гро-
мады
Снежноголовых гор, стоят ми-
нувших
Веков видения: остовы древних
Империй, как слои в огромном
теле
Гор первобытных, слитые в одно
Великого минувшего создание...

Стовратные египетские Фивы
С обломками неизмеримых хра-
мов.
Остатки насыпей и земляных
Курганов там, где были Вавилон
И Ниневия, пепел Персеполя —
Давнишнего природы обожанья
Свидетели – являются там в
мертвом
Величии. И посреди сих, в ужас
Ввергающих, Востока великанов,
Меж лаврами душистыми ле-
жат
Развалины Эллады, красотою,

Поэзией, искусством и земною
Блестящей мудростью и насла-
ждением

Роскошества чаруя землю.

Быстро

Времен в потоке скрылася она;

Но на ее гробнице веет гений

Неумирающий. Там, наконец,

В одну столпясь великую грома-

ду,

И храмы Греции, и пирамиды

Египта, и сокровища Востока,

И древний весь дохристианский

Запад,

Могучий Рим их груди обратил

В одну, ему подвластную моги-

лу,

С пригорка, где немного жизни

было,

Наименованный когда-то Ри-

мом,

Сам из себя он внутреннею си-

лой

Медлительно, в течение веков,

Зерно к зерну могущества зем-

ного

Неутомимо прибавляя, вырос.

Он грозно, наконец, свое миро-

державство,
Между народами рабов один
Свободный, как великий монумент
Надгробный им разрушенных
держав,
Воздвигнул. Этот Рим, в то время,
Когда меня моя судьба постигла,
Принесши все Молоху государство
На жертву и все частные земные
Разрушив блага, чтоб на них построить
Публичного безжизненного блага
Темницу, – этот Рим, в то время

Владыка всех, рабом был одного,
И вся вселенная на разграбленье
Была ругательное предана
Лишь только для того, чтоб кесарь мог
Роскошничать в палатах золотых,

Чтоб чернь всегда имела хлеб и
игры...

А между тем в ничтожном
Вифлееме

Был в ясли положен младенец...

Рим

О нем не ведал. Но когда он был

На крест позорный вознесен,
судьбины

Мировластительства его уда-
рил час,

И в то же время был разбит и
брошен

Живого бога избранный сосуд —

Израиль. Пал Ерусалим. Его

Святилище покинув, — открове-
нье

Всему явилось миру, и великий

Спор начался тогда меж князем
мира

И царством божшим. Один ски-
таясь я

Между земными племенами,

Очами мог следить неизмени-
мый

Господний путь сквозь все их из-
мененья...

Терзая мучеников, Рим их кро-

вью

*Христову пашню для всемирной
жатвы*

И для своей гибели удобрил.

И возросла она..."